

18+

Наталья Берязева

ДУРОЧКА НАДЬКА

Про меня. Про вас. Про нас

Наталья Берязева

**Дурочка Надька. Про
меня. Про вас. Про нас**

«Издательские решения»

Берязева Н.

Дурочка Надька. Про меня. Про вас. Про нас / Н. Берязева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981250-6

Эта книга похожа на пестрое лоскутное одеяло старой бабушки, где яркие лоскутки сменяются темными и жесткими. Потому что жизнь и есть лоскутное одеяло.

ISBN 978-5-44-981250-6

© Берязева Н.
© Издательские решения

Содержание

ТАКАЯ ПЕСТРАЯ РАЗНАЯ ЖИЗНЬ	6
ЛОСКУТКИ	7
Дурочка Надька	7
Девочка в розовом платье	11
Разные сапоги	13
Эзотерика	15
Мотоцикл	16
Зуб	18
Василина	20
Женщина и дождь	21
Ты мне нужна	27
Как сказать?	28
Не сутулься!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дурочка Надька Про меня. Про вас. Про нас

Наталья Берязева

Иллюстратор Наталья Блинкова

© Наталья Берязева, 2020

© Наталья Блинкова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-1250-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАКАЯ ПЕСТРАЯ РАЗНАЯ ЖИЗНЬ

Дорогой читатель!

Эта книга собрана из лоскутков. Как старое одеяло моей бабушки. Перед сном я очень любила его рассматривать. Какие-то кусочки, как правило, из темной и жесткой ткани, мне не нравились. Я старалась побыстрее перевести взгляд на что-то более яркое и веселое. А там были лоскутки из веселого ситчика, приятного на ощупь поплина, попадались и холодноватые, но благородные на вид и торжественно блестящие атласные вставки. В детстве мне казалось, что ярких кусочков на одеяле гораздо больше, чем темных. Но я выросла. И с каждым моим новым приездом одеяло все больше и больше теряло свою веселую расцветку. Я заметила, что перед сном я все чаще и чаще поглаживаю именно темные кусочки и почему-то вздыхаю. Так писались и мои истории. Какой кусочек жизни я рассматривала, таким и получалось мое одеяло. И вам выбирать: шерсть, ситец, поплин, атлас, сатин или легкую бумазею.

ЛОСКУТКИ

Дурочка Надька

Якшимбаиха, – так звала соседку мама.

Вечно всклокоченная, оручая, бесконечно матерящаяся, она появлялась по вечерам. Она была как фурия, как молния, она ругала всех налево и направо, она была просто неуправляемой. А если выпивала лишнего, то это было вообще стихийное бедствие.

Сейчас, когда я давно перешагнула ее возраст, тот самый, который я хорошо запомнила, я пытаюсь проанализировать, что эта была за женщина. Что за характер и судьба.

Улица Клюквенная. Краина провинциального городка. Улица на болоте. Здесь построили бараки на два входа. Две комнаты, разделенные общим тамбуром. И двери одна против другой. Я не помню, кто жил с Якшимбаихой. В моих воспоминаниях она занимает весь барак. У нее две девочки. Сильно старше меня. Первая Надя очень странная. У нее большая голова и маленькое тело. Замедленная речь-мычание и общая заторможенность. Но она очень добрая. Ее можно просить обо всем. Она отдаст последнее. В школе ее жалеют и, не поверите, никто над ней не смеется. А в старших классах у нее появляются даже ухажеры.

Вторая Любка. Вся в маму. Оторва. Громкая, шумная, неуправляемая. В школе учится так себе, зато от парней отбоя нет.

Якшимбаиха в общем была тетка хорошая. Но выпивала и сильно любила мужчин. Как говорили соседи, слаба была на передок.

Новые женихи у нее появлялись минимум раз в месяц. На некоторое время она затихала, доставала свои крепдешиновые платья и по вечерам под ручку выходила с кавалером «в кино». Ее приподнятые надо лбом волосы, ярко накрашенные губы, туфли-лодочки – все говорило о ее женском счастье.

Она легко и молодо перепрыгивала через грязь, придерживая свою выходную сумочку на животе, чтобы не дай Бог уронить, она становилась просто ангелом. Девчонки в это время драили барак, стирали шторы и вздыхали спокойно: «Мама успокоилась».

Но проходило пара-тройка недель, и в бараке напротив начинался ор на всю улицу. Это Якшимбаиха выгоняла очередного «мужа».

Странная Надька все равно защищала мать и никогда ее не ругала.

Она хорошая. Только несчастливая.

Не поверите, но с Надькой у меня была даже какая-то дружба, хотя она по возрасту была меня сильно старше. Ведь в детстве 6—7 лет – это огромная временная пропасть.

Но Надька никогда мне не казалась старше. Она была вечным ребенком, тем более она навсегда осталась ростом не более 140 сантиметров. Это сейчас бы мы сказали, что была она ребенком особенным, с синдромом Дауна, но в наше время никто таких детей в отдельную группу не выделял. Странная да и все. Точнее дурочка.

Она дотянула до восьмого класса в обычной школе, а потом ушла в швейное училище. Работать она умела. Нет, сама она придумать модель не могла, а вот обметать швы, подрубить, починить, оверложить – с этим она хорошо справлялась. И, кроме того, была очень дисциплинированной и послушной.

Никогда и ни в чем не могла отказать.

Так что вечерние смены, авралы – все это доставалось ей, когда уже на швейной фабрике работала.

Она только склонит свою огромную голову, мол, хорошо. Сделаю. И промычит что-то невнятное.

Чтобы вы поняли, какая она, лишь приведу один случай.

Я уже сказала, что город наш стоит на болоте, и весной он превращается в огромную грязную лужу. К нашим дальним улицам ведет деревянный дощатый тротуар, от времени превратившийся в редкие и одинокие досточки, по которым нужно очень аккуратно скакать, чтобы не ухнуть в соседнюю канаву.

Я тороплюсь в кино. Я не в сапогах, а в туфлях. Перекресток и кончается тротуар, а впереди только грязь и лужи. Метров десять не менее, которые не обойти никак.

И появляется Надька, которая ниже меня на полголовы. Она в сапогах.

– Давай я тебя перенесу? Я бы дала тебе сапоги, но они тебе будут малы.

Надька говорит нечленораздельно, но ее можно понять. Да и мы все привыкли к ее мычащей речи.

Я стою у лужи и сомневаюсь.

Надька меня ниже. Но на вид крепкая. Она такая, как прямоугольник. То есть должна выдержать.

Она предлагает мне ухватиться за шею, то есть сесть на закорки, а она будет меня поддерживать.

Так и сделали.

Первые три метра, Надька кряхтит, но тащит.

Ей очень тяжело. Я это чувствую.

Еще три метра.

Ну еще чуть-чуть.

Надька падает на краю лужи, но меня успевает поставить на сухое место.

Я только чуть-чуть замаралась.

Надька же упала почти плашмя.

Пальто, руки, чулки, даже подбородок – все в грязи.

Но Надька довольна.

Она мычит: «Иди, я вымою все. Иди».

Я машу ей рукой, оглядываюсь и бегу в кино.

Потом мне расскажут, как орала в тот день Якшимбаиха, что Надька испортила одежду.

Что, мол, дура она и есть дура.

Я не знаю, где Якшимбаиха сейчас, где ее дочь Любка, а вот про Надьку знаю.

Не поверите, но она вышла замуж.

За сильно пьющего мужчину с двумя детьми.

Сама она не могла иметь детей, потому с радостью приняла чужих.

Когда она вошла в семью, девчонкам уже было 7 и 10 лет. Они росли без матери, но Надьку признавать не хотели.

Потому что дура и уродка.

Еще и мычит.

Надька, как всегда, не обижалась, а только мыла, стирала, убирала. С полочки покупала девчонкам обновки, незаметно подкладывала самое вкусенькое.

Никогда и ни за что их не ругала.

Научилась заплетать косы, вязать мягкие кофточки и носки.

Через некоторое время, когда муж по привычке поднял на Надьку руку, девчонки встали на ее защиту.

«Не трогай маму!» – в голос заявили они.

«Сам можешь уходить, а ее не трогай. Она очень хорошая».

Детские души – они быстро понимают, где добро, а где зло.

А Надька по-настоящему была доброй.

Муж однажды не вернулся домой.

Пьяным попал под поезд.
Надька все сделала, как положено.
Похоронила с заботой и любовью.
И снова мыть, стирать, убирать, вязать.
Еще и в ремонт брала вещи. Кому подшить, подштопать – никому Надька не отказывала.
И девчонки всегда при ней.
Так незаметно и выросли.
Младшая заканчивала школу, старшая училась заочно в институте.
Сама приняла такое решение, чтобы не бросать маму с сестрой.
Девчонки выросли по-настоящему хорошими. И в учебе у них не ниже четверки, и дома полный порядок.
Помимо Надькиной зарплаты и подработок, еще держали кур, был и свой огород.
Жили не богато, но тепло и уютно.
На следующий год и другая девочка в институт поступила.
На очное.
Немного погодя старшая замуж засобиралась. И малыш родился. И снова Надька стирает, убирает, шьет, качает, баюкает.
Дочка диплом защищает.
И все идет своим чередом, незаметно и легко для девочек.
Стала Надька прихварывать, да все отмахивается. Мол, сразу нездоровая родилась. Чего уже? Сколько Бог даст и на том спасибо. И так жизнь ее балует.
Умерла неожиданно. Потянулась за чашкой в буфете, ей все несподручно было, маленькая потому что, неожиданно охнула и присела.
И больше не поднялась. Потом врачи сказали, что какой-то тромб оторвался. И все.

Про Надьку и ее жизнь я узнала случайно.
Я приехала в родной городок, чтобы сходить на могилку папы.
Я сидела напротив его портрета и мысленно с ним разговаривала.
Мне очень многое хотелось ему сказать. Неожиданно подошла молодая женщина.
– Извините, пожалуйста, у вас нет случайно лопаточки, я вижу у вас свежие цветы посажены, я в спешке свою дома на столе оставила.
Я достала лопатку и протянула ей. Я вспоминала папу, детство, улицу Клюквенную.
На душе было покойно и светло. Вернулась женщина.
– А я знаю вашего папу. Мне мама рассказывала. Вы на одной улице жили.
– А кто твоя мама?
И она назвала мне имя Надьки.
Видимо, на моем лице было такое удивление, что женщина поторопилась объяснить.
– Нет, не родная. Приемная. Вы же знаете, что она не могла иметь детей.
А вот мамой быть могла.
Отличной мамой.
Мне ее очень не хватает. Очень.
Вместе с Олей я подошла к могилке Надьки. Дурочки Надьки.
С портрета на меня смотрела она. Такая же большеголовая, губастая, только совсем седая.
Смотрела как всегда по-доброму и ласково. И я почему-то заплакала. Неожиданно.
Потому что никакая она не дурочка Надька. Она как раз самый настоящий человек, у которого нам всем надо было учиться добру, терпению и приятию.
И она сделала больше, чем все мы с нашими дипломами, наградами и учеными степенями.
Спасибо тебе, Надька!

И прости.

Девочка в розовом платье

Как она завидовала девчонкам, которые на перемене доставали румяное, вкусно пахнущее яблоко и начинали его грызть.

Она, конечно, просила: «Дай откусить!», – и иногда ей давали чуточку этого румяного чуда. Но всего лишь чуточку. А ей хотелось целиком, чтобы впиться зубами в эту душистую мякоть и чтобы был полный рот. И глотать-глотать эту вкусноту.

Но увы. Её родители не работали в торговле, а в магазине таких яблок даже перед Новым годом не выбрасывали. Так что приходилось лишь сглатывать слюну и злиться.

Да, злиться. Потому что это не она ест это яблоко, что она хуже своей соседки, которая всегда имеет вкусные сокровища в своем портфеле.

Иногда она злилась и на родителей. Почему они не богатые? Почему не могут доставать дефицит? Почему она должна быть хуже других. Хотя одноклассница с яблоками была всего одна, ну и что. Она хуже ее получается. А она так не считает. Вот еще немного подрастет, закончит школу, а потом будет так, как она хочет. И все у нее будет. И яблоки, и виноград, и красивые платья. Терпеть-то осталось всего год. Лишь бы закончить школу. На выпускной бабушка ей сшила розовое платье. Красивое. Точно по фигурке.

– Как статуэточка, – приговаривала бабушка, примеряя платье.

– Ох, красавица ты у нас. Парни все будут твои.

Нет, ей не нужно было всех. Зачем ей разные нищоброды. Она размениваться на одноклассников не будет. Она найдет того, кто даст ей все, что она хочет. Конечно, много-много яблок, фруктов, шампанского. Ну, чтобы как в кино красиво все было.

С выпускного вечера она пошла домой одна. Одноклассники напились, разбрелись по парочкам. Она не захотела. Ведь у нее были другие планы. Недалеко от дома рядом с ней притормозила модная машина. Большая, красивая. Из окна высунулось лицо мужчины хорошо за 40. Он был празднично одет: светлый костюм, стильный галстук. Прямо мужчина с обложки.

– Девушка, вас подвезти? Нельзя такой красивой ходить одной.

– Мне рядом, я уже пришла.

– Ничего, садитесь. Хоть капельку, но подвезу.

Мужчина вышел из машины и галантно открыл перед ней дверь. Разговорились. Она рассказала, что идет с выпускного, что ей там стало скучно.

– Как дети ведут себя. Напились. Ничего интересного. Своих одноклассников в качестве кавалеров она вообще не рассматривает.

– Тебя же дома не ждут? Поехали тогда ко мне? Что ты хочешь?

Потом было все, как она хотела. Много яблок, шампанское, конфеты. Милые подарочки. Он был женат. Приезжал за ней раз в неделю, чтобы увезти на квартиру, которую он снимал специально для нее. Нет, она в него несколько не влюбилась. Ему уже было почти 50. «Старый совсем», – думала она, но ей очень льстило, что он ухаживал за ней и баловал ее. Наконец-то она имела все, что хотела. Ну а все остальное, чем она ему платила, да ладно, маленько потерпеть и все. Делов-то. Зато у нее наконец-то богатая и сытая жизнь. Ведь он и денег ей на мелкие расходы дает. Так что теперь в институте она не стреляла сигаретки на перемене и не заглядывала в рот жующей подруге. Она спокойно шла в столовую и выбирала то, что хотела. Единственное, что ей не нравилось в этих отношениях, что она не могла никому ничего рассказать. Потому что ее любовник был в городе известным бизнесменом, а ему лишний раз светиться было нельзя. А так иногда хотелось похвалиться, рассказать, какой он крутой и как он ее любит.

На даче ночью ей стало плохо. Неожиданно открылось кровотечение, которое невозможно было остановить. Родители напугались, срочно начали звонить знакомым докторам,

чтобы проконсультироваться и узнать, что им делать. Её привезли без сознания в ближайшую районную больницу, где у матери был знакомый врач. И тут же увезли в операционную. Она очнулась под утро. Рядом сидела зареванная мать.

– Извини, ты звала отца. Но я не знаю, как ему сказать. Он не поймет. Он не выдержит.
– А что со мной?

– Внематочная беременность. Ты могла умереть, если бы мы хоть капельку промедлили. Хорошо, что наш знакомый ради тебя вышел не в свою смену.

Когда мать ушла, она долго лежала и думала, что, оказывается, он ее обманывал. Говорил, что с ней ничего не случится. Что он с ней понарошку. Что не позволит, чтобы с ней что-то произойдет. Он терпеть не мог презервативы. Она вспоминала его мокрый рот, его липкие руки, когда он сжимал ее в своих объятьях, его стоны, когда он со всей силы наваливался на неё.

– Нет, он просто так от меня не отделается.

– Я ему все скажу. Я потребую.

Что, она еще не знала. Но понимала, что теперь она может просить у него больше. Хватит подачек, пусть заплатит за то, что он с ней сделал. Вернувшись домой, она бросилась ему звонить. Она кричала в трубку, что он гад, что так не поступают. Что он должен оплатить ее боль и позор. А то она расскажет все родителям, она его опозорит. В четверг, как обычно, она ждала его звонка. Чтобы ехать к нему. Он не позвонил. Ни в этот четверг, ни в следующий. Она поехала к нему на работу. Секретарша сказала, что Сергей Георгиевич уехал в командировку и не скоро вернется.

– Ему что-то передать? – ехидно спросила она. Или ей это только показалось?

– Как вас представить?

Она со злостью хлопнула дверью.

Все, красивая жизнь закончилась. Дома она взяла большие ножницы и изрезала любимое розовое платье на кусочки. За то, что оно было розовое. За то, что именно в нем он ее встретил. За то, что розовые очки спали. И она больше не принцесса. Сказка закончилась. А потом она долго плакала, лежа на кровати в увядших лепестках платья.

Разные сапоги

Ох, как она умела задорно смеяться. А еще легко садиться на колени к незнакомым мужчинам. Они вначале терялись, а потом, видя длинные ноги и всегда улыбающееся лицо, расслаблялись и начинали приобнимать красивое тело, которое неожиданно стало таким близким и доступным.

Она любила шокировать, удивлять, покорять, сводить с ума, заставлять делать то, что она хотела. Нет, она не была алчной, той самой волчицей, которая всегда в погоне за жирной добычей. Она просто любила жить, смеяться до икоты, флиртовать, выдавать авансы.

И все. Ей нравилось чувствовать свою женскую силу. И не более. Она ничего не просила и даже бы обиделась, если бы ей предложили что-то взамен на ее любовь. Она просто так жила. Взахлеб. Если ей нравился мужчина, то она влюблялась и отдавала себя всю без остатка, не заглядывая в его кошелек и не требуя подарков. Ведь сама любовь уже подарок. А у нее ее было много. Потому она была не жадная на любовь. И вот она сидит в кабинете большого начальника. Он симпатичный. Только слишком холеный. Сразу видно чей-то протеже или папенькин сынок. В чуть за тридцать на такие должности не назначают. Костюм с иголочки, галстук, рубашка с запонками. С запонками! В провинциальном городе!

Она сидела на столе и болтала ногами. В этом кабинете она по работе. Интервью. Она журналист. Очень толковый, между прочим. А он просто мужчина. Красивый и такой прямо с картинки. Вот и смеется, вот и хохочет, стараясь его поддеть и зацепить. Он же в свои слегка за тридцать уже весь правильный как сотни раз выверенный формуляр. Вот она и хочет его заполнить. Только по-другому. Не так, как он привык. Она ему нравится. Она это чувствует. Потому он не спешит отвечать на ее заготовленные вопросы. Вот уже коньяк на столе. Лимончик аккуратно порезан на дольки. И жутко дефицитные конфеты.

– Выпей, – он ее умоляет.

– Не хочу, – смеется она. Я не люблю алкоголь. Он мешает работать. А ей сегодня надо еще много чего успеть. Если что, то у нее двое детей и надо поторопиться забрать их из детского сада. Он, однако, неумолим.

– Выпей, такого коньяка тебе еще никто не предлагал. Я сейчас отправлю секретаршу домой, и мы будем одни.

– Хорошо, уговорил.

Она легко выпила крохотную рюмочку и закусила лимоном. Вкусно, да, такого она еще не пробовала. Привкус как у пережаренного сахара, который они с братьями плавил на ложках в ее родном провинциальном городке. Да, тогда конфет не было, а расплавленный сахар чем-то напоминал петушка на палочке. Они держали ложки над огнем в печке, а потом просто сосали эти медные ложки, пока они не становились идеально чистыми. А тут коньяк со вкусом детства. Она выпила еще рюмку. И снова вспомнила братьев, которые были ей и няньками и мамками.

– Ты чего перестала улыбаться? Ты же так заразительно смеешься.

Походкой жирного и закормленного кота к ней подходил начальник. Он уже запер дверь и жаждал любви. Той, о которой она не мечтала совсем. Флирт, да. Поулыбаться, да. Ну, посидеть на коленях. А дальше она уже и не рассматривала. Ей зачем? Она замужем и у нее дети. И муж, куда с добром, как говорит мама. Но начальник так не думал. Он резко задвинул ее на стол и начинал сдирать с нее одежду.

– Э, вы чего?

От неожиданности она даже перешла на вы.

– Я не хочу!

Но тот, который только что был застегнут на все пуговицы, который боялся лишним словом себя как-то проявить, просто впал в ярость. Он жаждал, желал, требовал любви. Здесь

и сейчас. Быстро. Она была в шоке. В ужасе. В страхе. В опасности. Она начала его отталкивать, бить по лицу, успокаивать, требовать остановиться. После получасовой борьбы, уже лежа на полу, собираясь с силами, она подумала, что его оскорбила, сказала что-то лишнее, потому что он как-то обмяк и ослабил хватку.

Вот он встал. Поправил воротник рубахи, вставил запонки, что лежали на полу. Застегнул пиджак.

– Пошла вон. Я хотел сделать тебя счастливой. Чтобы ты знала, какой бывает красивая жизнь. Ты ее недостойна. Так и будешь ходить в разных сапогах. Ты свой выбор сделала.

Она ехала на трамвае и плакала. Да, он прав. У нее нет даже денег на сапоги. Они у нее действительно разные. Это мама, ее слепая мама, желая ее поддержать, прислала их ей. Она была так счастлива, что смогла их ей купить, достать. Чтобы дочь ни в чем не нуждалась. Просто работала. Мама не могла видеть, что один сапог был коричневый, а другой темно-фиолетовый. Ей просто дали не кондицию в магазине, а она от радости и не заметила. Конечно, она все сразу увидела, когда получила посылку. Но выбора не было. На дворе была поздняя осень, и надеть ей было нечего. Она смеялась, что она одна такая в этих сапогах, что ни у кого подобных больше нет. Муж молчал, потому что ему сказать было нечего. Вот она и ходила в разных сапогах, смеясь и шутя. Начальник это увидел иначе. Нищая девчонка, которую он хотел осчастливить, не приняла его предложение. Значит, он сделает так, чтобы она осталась такой навсегда. Нищей в разных сапогах. Да, он оказался злопамятным. С работы ее уволили по статье «несоответствие занимаемой должности». Из города пришлось уехать. А сапоги пришлось носить еще долго, потому что заменить их было нечем. Она по-прежнему смеялась, даже хохотала, и иногда садилась на колени к мужчинам. Просто так. Но никогда больше в кабинетах больших начальников. Потому что ее женская власть здесь уже кончалась. Здесь были другие правила игры. Она усвоила этот урок.

Эзотерика

Знакомая обрывала телефон.

– Ну, ты скажи мне, скажи, это правда?

Я вчера к гадалке ходила, она наворожила, что он мне изменяет.

– Э, Соня, ты чего?

– Сколько сейчас времени?

Я глянула на часы. Было половина второго.

– Ну а че, ты же моя подруга, ты меня выслушать не можешь?

– Я же спать не могу.

– Скажи, это правда?

– А я откуда знаю?

– Ну как откуда? Ты же сказки пишешь, мир иначе видишь.

– Ну, там чувствуешь его, понимаешь

– Я же из-за тебя даже Зеланда купила, только нет времени читать.

– Ты мне объясни, а?

– Вот она мне сказала, что он бежит от равнодушия, неуютю, от моего контроля.

– Какого контроля? Я же вообще его не контролирую.

– Ну да, дома сама знаешь, не всегда порядок.

– Но он сам что лучше?

– Кроме своего компьютера никого не видит.

– Даже с ребенком не играет. Некогда ему.

– И вот это, прости чмо, мне изменяет?

Я плелась на кухню, слушала бесконечный треп Соньки, потом машинально заваривала кофе и мечтала лишь об одном, чтобы она замолчала.

– Э, подруга, ты чего молчишь?

– Он что мне точно изменяет?

Я не знала, что ей сказать. Потому что и без гадалки было ясно, что брак разваливается.

Что хозяйка она хреновая, что кроме денег ее ничего не интересует, что всему приходит конец. Даже любви, тем более, если она потребительская.

Сонька замолчала.

– Что, все так погано? Все правда?

– Но у нас же ребенок, и что делать?

– Увы, я могу написать сказку. Даже со счастливым концом.

Но это уже не поможет.

Потому что поздно.

В трубке было долгое молчание.

А потом я услышала плач.

Горький и неутешный.

И мне, сказочнице, уже нечего было сказать.

Тут уже никакая эзотерика не поможет.

Мотоцикл Монолог соседки

Моя соседка Наташка – полная дура.

Да, абсолютно полная. Дома денег никогда нет, а муж решил купить мотоцикл.

Такой как в детстве. Потому что ему мальчишкой отец покататься не давал. И нашел непонятно где эту старую рухлядь. Но за бешеные деньги. На них Наташка с малышами два месяца жить бы могла. Да и деньги эти ей, кстати, мать прислала, видя, как бедствует семья. Вы не поверите, эта дура, эта полная дура, как ее еще иначе назовешь, деньги мужу на мотоцикл отдала. Я ее ругаю, ругаю, а она улыбается.

Пусть, мол, мечты сбываются.

Чьи мечты? Дура, она и есть дура, хоть и образованная.

И что вы думаете? Прикатил ее муж этого старого допотопного Ижа и давай с ним играть. А как еще скажешь? Наташка с детьми, Наташка на кухне, Наташка в огороде, а он, ее муж, старую рухлядь по запчастям разбирает. Мне же видно. Мы соседи. У нас окна друг против друга и поляна общая. Гаража-то нет, вот ее Петька все перед окнами на полянке и разложил. Раз десять разбирал и собирал. Не едет мотоцикл.

Нет, вру. Один раз метров пятьдесят проехал и заглох насовсем.

Тут уже и у Петра терпения не хватило. Утащил он свой мотоцикл в огород. Поставил под навес. Наташка сказала, что продать его хочет.

А где еще такого дурака, как он, найдешь?

Уже осенью забрал какой-то чудак этот ИЖ к себе на запчасти. Конечно, бесплатно. Еще, наоборот, и денег просил за то, что машину нанял мотоцикл перевезти. Я думала, что Наташка рассердится, начнет Петьку за деньги ругать.

Не поверите!

Ни слова не сказала.

А Петька что?

Да ничего. То есть ничего не понял. Потому что у него новая блажь в голове родилась – в московский институт поступать. А на это такие деньжищи надо! Год копить, не накопишь.

А эта дура полная опять улыбается.

Мол, придумаем что-нибудь.

Придумала. Ночью, пока дети спят, вышла пол мыть в соседний интернат. Потому что ближе ничего не было. Это она-то с высшим образованием!

Никогда я эту дуру не пойму.

Никогда.

И ведь не жалуется никогда.

Я вот моего мужа строго держу, каждая копейка – только в дом. Потому мои дети как картиночки, да и я не обижена.

Муж в рюмку стал заглядывать, но это тоже ничего. Разберусь скоро.

Но малахольную жалко.

И по-соседски, и по-человечески.

Чего она так ему потакает?

Не равен час и к другой уйдет.

А то все для него. Подай, поднеси, положи, возьми. Все для него.

Вчера мне сказала, что просто его любит. Петьку своего. Такого, какой есть. А потом, как бы про себя, тихо так добавила:

«Любовь – она же не деньгами измеряется, их заработать можно. А любовь не заработаешь. Она или есть или ее нет».

Что-то задумалась я. По ее словам выходит, что я мужа своего не люблю. Потому что не потокаю ему, да и не жду, как еще несколько лет назад, когда он рядом ляжет. Ну, есть и есть. Что тут говорить и рассусоливать.

Хорошо, что скоро съезжают соседи. Ненормальные они и есть ненормальные. В город собрались. Пусть едут. А то любовь, любовь. Так и я скоро стану дурой, потому что эта Наташка вечно меня растревожит, что я потом не стирать, не убирать не могу. Все думаю про любовь. Про чувства.

Если честно, то этот мотоцикл мы забрали.

Через знакомого. Мой-то Иван с головой. Он-то денежки считать умеет.

Найдем ему применение. А эти пусть едут. Одни проблемы от них. Жить надо, а не о любви разговаривать. Дураки они и есть дураки.

Зуб

Вот уж невезуха так невезуха. Через несколько часов улетать, а у нее за ужином выпал зуб. Ну не зуб. Коронка, которая закрывала дырку от так и не выросшего зуба – резца. Глупость полная. У нее после 35 лет начал в десне расти зуб. Врачам прикольно, мол, редко так бывает, и предложили мешающий зуб убрать.

Ничего, что он почти сразу виден, как только рот открываешь?

Мол, скоро вырастет, а пока давайте коронкой дырку прикроем.

И прикрыли. Лет на десять. А зуб, сильный такой и мощный на вид, если рассматривать его на рентген фото, даже и не подумал дальше вылезать. Сидит себе и в ус не дует.

Выдалбливать? А зачем? Не мешает жить. Вот так и жила с коронкой на самом заметном месте.

А тут надо в аэропорт выезжать, хотела напоследок чуток перекусить, и перекусила.

Вместе с куском котлеты выпала коронка. Что делать? Плакать-рыдать? Сдавать билеты?

Или вот так вот с дырой в зубах на переднем плане, это с ее-то улыбчивостью, двигать на отдых в заветную Индию, о которой мечтала ни один год?

Сначала заревела. Потом посмотрела на себя в зеркало. Снова заревела. И решила ехать.

И не смеяться, не улыбаться, черно с белым не носить, на бал не ходить. Как в детской считалочке.

Подруга была прекрасна. Она в свои 40+ хотела ухватить от отдыха все и сразу. Она просто сияла.

Денег накопила, может себе позволить. Вот и сарафанчик новый у нее.

– Э, подружка, а ты что не рада? Даже не улыбаешься. Как будто лимон съела.

– Хуже, – и я улыбнулась.

Не, моя подружка не упала в обморок. Мне кажется, что она даже была счастлива. Ведь я теперь ей не конкурентка. Совсем.

Я люблю Индию. Очень. Даже платье у меня есть специальное, которое я надеваю там, чтобы нравиться местным. Типа своя. Платье я взяла и в этот раз.

Моя подруга очень быстро нашла друга из Италии. Он так представился, хитрый араб.

Но это мою подругу не остановило, ей пофиг, она не по-итальянски, ни по-арабски ни бельмеса. Вот язык любви – это ее. Тут они легко друг друга поняли.

А я с моим английским и немецким вообще осталась не при делах. Платье местное тоже не помогало.

Ведь моя сила в чем?

Да, верно. В коммуникабельности. А какое тут общение, если у меня дырка в зубах на самом видном месте. А мне же, увы, не пять лет, и никакой мимишности это не вызывает.

Тетка без зубов. Вот и все.

Я сижу на пляже, подруга отдыхает.

Все-таки решила дойти до ближайшего магазина, там, сказали, настоящие шелковые платья продают. Как в детстве у мамы. Крепдешинковые и креп-жоржетовые. Так мама их называла. Магазин дорогой.

Подружка моя перед зеркалом кружится, мальчика-продавца пальчиком манит, мол, застегни пуговичку сзади.

Однако, маловато. А сказать-то моя подруга ничего не умеет. Пытается объясниться, а продавец не понимает. Пришлось мне рот раскрыть. Про сайз и размер объяснить. Про расцветочку поярче. Продавец расплылся в улыбке: «Вот это другое дело, мадам. А то устал я уже от бестолковых покупателей». И затрещал, запел елейно, предлагая то одно платье, то другое.

И комплименты посыпались бесконечные и сильные как тропический дождь.

Особенно мое индийское платье оценил. Мол, молодец я, уважаю индийский народ.

Руку мою поглаживает индус, на ухо уже что-то шепчет. Но смешно мне стало от его дыхания. И я... захохотала. Во весь мой беззубый рот.

Эх, видели бы вы лицо индуса, узревшего меня во всей красе.

Руку отдернул, извинился, быстро покупки в пакет сложил, поставил на кассу и быстро-быстро ретировался.

А вы говорите, что красит человека душа, а совсем не телесная оболочка.

Больше я в эти сказки никогда не поверю.

Всего один единственный зуб, который нечаянно не вырос на положенном ему месте, может сделать отдых абсолютно не романтичным. Тут даже местное платье и знание языков не помогут. Потому что душу еще рассмотреть надо, а дырку в зубах видно за версту.

Зато две недели покоя, тишины, молчания и одиночества помогли мне иначе посмотреть на себя и свою жизнь, которая подкидывала мне новые и новые трудно решаемые задачи.

Океан меня исцелил, подсказал ответы на многие вопросы, заставил услышать саму себя, а не бесконечные «надо» социума.

Так что спасибо выпавшему зубу.

Иначе я бы ничего не поняла.

Василина

Она пряталась за чужим именем.

Тебя как зовут?

– Василина.

Ей казалось, что, назвавшись так, она навсегда перечеркнет свою прошлую жизнь, где ее звали иначе.

Она встретила своего бывшего мужа у метро.

– Эй, Надька.

– Меня зовут Василина. Вы ошиблись.

– Ты что, дура что ли? Какая Василина?

Если волосы перекрасила, то думаешь, что тебя никто не узнает?

– Я вас не знаю. Вы ошиблись. Я Василина.

Она не позволила себя дернуть за рукав, как он это делал раньше.

И быстро зашагала мимо, повторяя и повторяя.

– Я Василина. Я Василина. Я Василина

– Чокнутая какая-то. Может и точно ошибся?

И мужчина зашагал в противоположную сторону.

Женщина и дождь

Так. Она уже пожилая женщина. Пожилая. То есть пожила уже достаточно долго. Нет, нет. Она вполне еще ничего себе. Мужчины все еще оглядываются вслед. Почему бы и нет? Фигура еще, куда с добром, как говорила мама. Прическа, маникюр. Никто ей свой возраст не даст. Просто красивая женщина. Да, конечно, не девушка. Именно женщина. Красивая, статная, которая гордо несет себя по жизни. И это еще не про нее, что «сзади пионерка, спереди пенсионерка». И впереди у нее еще все в порядке. Да, она давно одинока. То есть вдова. Дети выросли. Делай, что хочешь. Только вот в России пожившие женщины мало кого интересуют. Потому и называют их пожилыми. Чтобы как-то подчеркнуть, что пора уже дорогу молодым уступить. Нечего тут «хорохориться», опять слово мамы, и прихорашиваться. А если сердце ноет? И одной коротать вечера больно уж горько? Что делать? Придет домой с работы и, чтобы заглушить тоску, начинает в который раз уже квартиру надраивать. И так, ни пылинки, ни соринки, а она все равно новую работу находит. То шторы постирать-накрахмалить. То маленький ремонт в ванной устроить. Да, ей еще повезло. Она все еще работает. Не гонят, хоть и перешагнула пенсионный рубеж. Говорят, что она бухгалтер от Бога. И замену ей трудно найти. Ценят, одно слово. На работе день быстро проходит, а вот домашняя тишина напрягает. Несколько часов одна, а кажется, что целую вечность. Ни уборка, ни рукоделие не помогают. Сериалы она не любит. Слишком хорошо образована. По литературе всегда лучшей была. В такие вечера вся жизнь перед глазами пробегает. И начинает казаться, что точно, она уже пожилая. Пора прекращать молодиться и отвечать на заигрывания молодых незнакомцев.

В один из таких бесконечных вечеров, когда казалось, что стрелки будильника кто-то насильно приклеил к циферблату, засветилось окошко скайпа. Дочь из далеких краев вспомнила о ней. Она как-то ей сдуру пожаловалась, что совсем одиночество замучило, что сил больше нет для себя одной жить, что ждет не дождется внуков. Дочь поохотала в ответ, мол, мама, сейчас другое время, и жить надо для себя. Дети потом. Когда, «рак на горе свистнет», – подумала тогда она. А сейчас она быстро затараторила.

– Не удивляйся. Сейчас тебе в скайпе позвонит Месут. Он живет в Норвегии. Турок, родился в Сербии. Давно живет в Европах, по-русски понимает. Потому что с сербским он созвучен. Очень хочет с тобой познакомиться. Он тоже очень одинок и мечтает о русской женщине. Протараторила и отсоединилась.

– Как всегда, ни здрассти, ни до свидания, – подумала она.

– Эх, сколько сил в нее вложила, а тепла, отдачи ноль.

Только захотела погрузить, тут скайп снова приветливо замигал.

Заволновалась. Ведь не прибрана. По-домашнему. В халатике. Хоть и новенький, а все равно халатик. Да, ладно. Все равно ведь ничего не получится. Высветилось окно компьютера.

– Привет!

На нее смотрел мужчина к пятидесяти. Не сказать, чтобы красавец, но и далеко не урод. Рядом стоит бокал пива. «Выпивает», – мелькнуло у нее в голове. Глаза смотрят дерзко и вызывающе.

– Привет, Надя!

– Уже и имя знает, – опять мелькнуло у нее в голове. Наверное, дочь все про меня рассказала.

Глаза оценивающе смотрели на нее.

– Ты можешь встать? Хочу тебя рассмотреть.

Надя неожиданно повиновалась. Слишком уже напористым был голос. Встала. Начала поправлять невидимые складки на халате.

– Подол приподними. Покажи ноги. И тут она неожиданно повиновалась этому наглому голосу.

– Ничего, еще смотреть можно.

Надя аж чуть не поперхнулась. Ну и наглость. Да у нее ноги как у молоденькой. Любой скажет.

– Давай знакомиться.

Твоя дочь все про тебя рассказала. Подходишь ты мне. Ничего, что постарше. Не будем долго тянуть. Билеты пришлю через три недели. Приедешь ко мне в Турцию. Я там дом себе купил. Там и познакомимся как следует. Думаю, что это для нас обоих выгодный гешефт.

– Что? Хотела возмутиться Надя.

Но огонек уже погас. Месут отсоединился. Через три недели пришли билеты. Все оплачено. Только распечатать и все. Паспортные данные, видимо, тоже дочь дала. Призадумалась, ехать – не ехать. Вечером в скайпе прочитала.

«Жду в аэропорту. Месут». И ни слова больше. Было начало апреля. То самое время, когда зима и весна ведут долгий спор за победу. Когда авитаминоз и депрессия просто не дают жить. Мир становится серым и недружелюбным. Надя уговаривала себя: «Ну что я потеряю, если слетаю. Там всего-то неделя. Как-нибудь выдержу. Край, уйду в отель жить. Денег заняла. Ну не девственность же теряю». Подготовилась как следует. Маникюр, педикюр. Брови подправила, вокруг глаз и губ сделала легкий татуаж. В зеркало посмотришь, ну никак ей ее 50 с хвостиком не дашь. Очень даже ничего. А наряды у нее всегда были. Зарплата главного бухгалтера позволяла за модой следить. Так что дама хоть куда. В самолете все равно было не по себе. Пока летели, все корила себя.

– Ну, зачем она летит? Видела один раз и сразу купилась.

В аэропорту она его узнала. Однако, он еще быстрее.

– Какая ты. Очень красивая. Very beautiful. Лучше, чем на фото, которое дочь прислала.

– Вот засранка. И фото отправила, – опять про себя ругнулась Надежда. Зачем ей это надо? Жизнь мне хочет устроить? Или квартиру мою в наследство побыстрее получить хочет? С нее станется. Пока думала, подошли к машине.

– Взял в аренду. Чего тратится? Пригодится еще.

Никаких тебе цветов. Ни поцелуя даже в щеку. Опять забило сердце. Что я тут делаю? В чужом городе? С абсолютно незнакомым человеком? Месут как будто услышал ее.

– Не переживай. Все у нас получится. Ты мне нравишься. Иходишь по всем моим параметрам.

– Меня бы кто спросил, нравится мне он или нет, – опять подумала Надя.

Приехали. Большой двухэтажный дом. Квадратов 500.

– Извини, редко здесь бываю. Потому начнем с уборки. Переодевайся!

О таком повороте событий Надя даже не думала. Домашней одежды у нее не было.

– А прическа, маникюр?

– Снова сделаешь. Вот ведра, тряпки. Мою майку надень. Все белье в стиральную машину, а потом прогладить. Обязательно с обеих сторон. Я белье каждый день меняю. В холодильнике мясо. Можешь поставить готовить.

Месут игриво ударил ее по заднице.

– Давай, действуй!

Надя любит чистоту. Знает в ней толк. Ей не в тягость убирать.

– Лучше пол мыть, чем с ним в постель ложиться. Толстый. Пальцы как жирные червячки. Не очень приятный, одно слово. Но характер есть. Мужик, как у нас говорят.

Прилетела рано утром, почти не спала в самолете. Через шесть часов уборки, когда почти весь дом сиял чистотой, Надя уже совсем выбилась из сил. Когда достала из духовки мясо, накрыла стол, уже в полном смысле ни петь, ни рисовать.

– Ты молодец, – Месут похвалил ее. – Отличная хозяйка, чистоплотная. Не зря вас, русских, больше всего хвалят европейские мужчины. Теперь посмотрим, какая ты любовница.

– Нет, я устала. Не хочу.

– Женщина, не перечь мужчине. Где ты, где я? Я тебя осчастливил, забрал из нищей России. Ты должна быть мне благодарна. Еще и любить тебя буду. Быстро раздевайся.

Липкие руки, жирные губы и дурной запах изо рта. Это последнее, что помнила Надя. Она просто уснула. Мертвым сном. Перелет и шестичасовая уборка дали о себе знать. Утром Надя не могла понять, где она и что с ней.

– Я же в Алании. У Месута.

Он сидел, развалившись на балконе. Курил и потягивал пиво из бутылки.

– Не стал тебя будить. Я добрый. Дал тебе поспать. Сегодня трудный день. Надо сделать ордуниг в мой келлер, а потом, если успеем, то поедем на море. Пока еще холодно, но сегодня обещают теплый день, так что полежим на пляже. Сегодня почти лето. Плюс двадцать. Сделаю тебя счастливой.

Надя приготовила завтрак. С сожалением посмотрела на потрескавшийся лак на ногтях. Перчатки не спасли ее красоту. Омлет с сыром, омлет с овощами. Отварила сосиски. Достала джем. Хлеба не было. Месут, увидев, что она что-то ищет, спросил: «Чего-то не хватает?»

– Хлеба.

– Так что ждешь? Вон за углом лавка. Давай сбегай.

– Но я еще не одета.

– Оденься, какие проблемы.

Поднялась в спальню. Накинула толстовку, джинсы. Хорошо, что знакомая ей турецкие лиры отдала, а так денег просить неудобно как-то. Вышла на улицу. В Сибири холодина, а тут по-весеннему все ярко, солнечно.

– Ничего, как-нибудь выживу эту неделю. Ради этого солнца, ради этих цветов, которые уже всюю цветут на клумбах. Когда бы я их еще увидела?

В лавке ткнула пальцем на теплые лепешки и протянула ладонь, на которой лежали деньги. Старый турок сам выбрал нужные монеты.

– Тешекюре эдерим.

– Что? – переспросила Надя

– Данке, мерси, спасибо.

А, – закивала головой Надя. – И вам спасибо!

Завтракали молча. Месут сверлил ее глазами.

– Ты мне подходишь. Хорошо убираешь. Уколы делать умеешь?

– Зачем?

– Мне нужно иногда. Машину водишь? Что любишь готовить? Что в сексе любишь?

Сколько стоит твоя квартира в Сибири? Сколько зарабатываешь? Вопросы сыпались один за одним. Наконец-то закончился завтрак. Сейчас в келлер. Опять ведра, тряпки. Келлер – это оказалась кладовка. То есть нижний этаж дома, в котором точно никто и никогда не убирал. Надя снова молча принялась за работу. В три часа зашел Месут.

О! Только и сказал. Молодец. Теперь едем отдыхать. В ресторан и на море. У нас праздник. Если честно, то Наде уже ничего не хотелось. Было желание лечь и просто лежать. И чтобы никто не трогал. Но Месут уже снова похлопывал ее по заднице. Нарядись. В ресторан едем. Привела себя в порядок. Сняла потрескавшийся лак и нанесла бесцветный, который очень быстро сохнет. Вышла при параде.

– Ах, ах! Хороша. Моя женщина будешь. Женой тебя сделаю. Счастье тебе подарю. Из России уедешь. Благодарить меня всю жизнь будешь. Отличный у нас гешефт получится. Всем хорошо.

Рыбный ресторанчик был в ста метрах от моря. На веранде было солнечно, тепло. Заботливый официант на всякий случай принес мягкий плед. Все было бы прекрасно, если бы Месут хоть капельку помолчал. А тот говорил без умолку. И какая она красивая, и как ему подходит. И хозяйка отличная, и чистоplotная, и молчаливая, что тоже немаловажно. Он сделает ее счастливой. Он подарит ей Европу, даже возьмет в Норвегию. Туда он еще никого не приглашал. Что никто не может оценить его благородство, вот он брату помогал и что? Ни слова благодарности в ответ. Бессовестный. А мать? Мать ему не мешает. Сама справляется. Пусть брат заботится. Он ему денег дал. Что еще? Такого мужчину как он еще поискать надо. Очень ей с ним повезло. Будет она его женщиной. Главное, чтобы молчала и подчинялась. Надя лишь спросила: «А как же любовь?»

– Какая любовь? – изумился Месут. У нас же с тобой все по согласию. Я тебе дарю Европу, ты мне заботу и уважение. Что еще? Если про секс, то тут она может не беспокоиться. Он тут не промах и еще это ей неоднократно докажет. Отличный гешефт. Не надо тратиться на повара, уборщицу, медсестру, любовницу. Так что Надя отличный вариант. Пошли на море. Точнее Надя пошла, а Месут взял велосипед. Пусть она идет, а он по дорожке прокатится. Надя даже была благодарна ему за это. Хоть капельку побудет в тишине. Устала от его трескотни.

Она шла по дорожке, ведущей от кафе к морю. Пахло свежестью, весной, цветами. Надя сняла босоножки и с удовольствием ощутила тепло земли.

– Черт с ним, с этим идиотом, зато на море полюбуюсь. Когда бы еще выбралась?

Дошла до кромки моря. Присела на камень.

– Господи. Как хорошо!

Одинокая чайка пристроилась рядом.

Впервые Надя почувствовала прелесть одиночества. Никто не стоит рядом, не диктует свои условия, не требует внимания и участия. Тишина, покой и ты сам. Только ты и твои ощу-

щения. В данном случае – свежесть моря, звук шуршащих волн, тепло солнца, серость камня и застывшая чайка рядом. Так бы сидеть и сидеть целую вечность. Увы. Месут тут как тут.

– Раздевайся. Тепло. Буду на тебя смотреть.

Захотелось раздеться и убежать далеко-далеко. Неожиданно набежали тучки. Не успела Надя подумать, что пора возвращаться, как дождь полил как из ведра. Месут вскочил на велосипед и тут же исчез. Надя брела назад к кафе под проливным дождем.

– Хоть бы зонт догадался мне отправить, или плащ какой с официантом передать.

Увы, под проливным дождем, промокшая до нитки, с подтекшей тушью, в полной красоте она, продрогшая до костей, добралась до кафе. Месут сидел уже в помещении, курил и пил пиво.

– Как ты мог меня бросить? Как?

– Хоть бы официанта с зонтом отправил.

– А что тут такого? Выпей давай.

Довольный Месут курил и выдыхал ей дым в лицо.

– Я не переношу запах дыма. У меня аллергия на табак

– Ничего, привыкай. Это такая мелочь взамен на то, что тебе дам я. Я вытащу тебя из нищей России.

– Хватит. Едем домой. Я замерзла.

Месут с неохотой поднялся.

– Неблагодарная женщина. Старая женщина. Кому, кроме меня, нужна? Пожалел, жениться готов. Как смеет быть недовольной.

Вечером Надя еле дождалась, когда Месут заснул. Покидала вещи в чемодан. Домой. Домой. Никогда, никогда она не променяет свое одиночество на этот выгодный гешефт. Спасибо Светке, что дала ей на всякий случай турецких денег. Заскочила в лавку, где покупала утром лепешки.

– Такси. Пожалуйста, такси. Аэропорт. И показала рукой, как будто набирает цифры.

Старый турок понял, закивал головой. Она протянула ему на ладошке деньги.

– Нет, мадам, нет.

Тешекюре эдерим.

Такси приехало быстро. Все. Пока, счастливая жизнь. Она махнула рукой старому турку и с силой захлопнула дверь такси. В аэропорту Надя на удивление быстро поменяла билет, хотя была готова купить новый, и уже через полтора часа мирно спала в кресле самолета, летевшего в родную Сибирь. Ей снились море, одинокая чайка и она, идущая краем моря. Во сне она сладко улыбалась.

Ты мне нужна

Столько лет были вместе?
Столько, что и другим не снилось.
Потом вмешалась жизнь. Обстоятельства. Обиды.
Непонимание детей.
Что это нас так долго связывает?
Мы же такие разные.
И стали иссякать нить разговоров и желание делиться наболевшим и тем, что другим просто не расскажешь.
И каждый стал жить в своей норке.
Один. Со своими проблемами.
Потому что надо молчать, чтобы не сделать себе больнее.
Надо просто жить.
Жить.
Просто.
Случайный взгляд на стену.
А там вы вместе. На фото.
Молодые, смешные, озорные и...
Счастливые.
И никому нет дела, во что ты одет и можешь ли оплатить сегодня поездку в автобусе.
Такие безбашенные.
И такие родные.
Долго изучаю фотографию. Наши смешные лица.
И отматываю время назад.
Какими мы были счастливыми!
И иду к компьютеру.
– Ты знаешь, я сегодня снова подстриглась. Почти наголо, так, как тогда, когда мне было очень плохо.
Нет, мне не плохо. Мне просто сейчас все равно. Кто и что про меня скажет.
А мне так просто удобней. Не надо думать о прическе и о том, как я выгляжу.
Как ты?
Как здоровье?
Пиши хоть иногда.
Неожиданно заплакала.
И добавила.
Ты мне очень нужна.
И быстро нажала кнопку «отправить», чтобы не передумать и не стереть написанное.

Как сказать?

Не виделись много лет. Приехал неожиданно. Седой, непривычный.

Дети выросли. Жизнь не удалась.

Разрывается между двумя странами.

Здесь мать. Там больная дочь и жена, которую выбрал сам. Хоть и по глупости, но сам.

И дочь ни в чем не виновата. Потому надо быть там. С ней, потому что ей там климат и медицина бесплатная. Но давно не может спать. Болит сердце. Потому что душа живет здесь. И что делать? Он не знает.

Просто сидим. Просто молчим. Пора уходить. К маме ехать далеко. Она волнуется.

– Я пошел.

– Да.

А губы шепчут: «Не уходи, останься».

Но произносят: «Да, пока, привет маме. Надеюсь, что она меня еще помнит».

Снова ночь без сна. Воспоминания. 76 поцелуев в наступившем 76 году. Он несет меня на руках, он кружит меня в танце, он снова шепчет мне, как сильно меня любит. Он, он, снова он.

И глупая я. Такая бессовестно глупая.

Мы идем по ночному городу.

Так хочется взять его за руку и, наконец, сказать: «Прости дуру. Мне так не хватает нежности».

Но я опять промолчу. А ночью снова буду вспоминать. Нашу любовь.

Которую мы не смогли оценить.

Не сутулься!

Держи спину! Не сутулься! Как бабка старая.

Слова жгут, как пощечины. И хочется спрятаться, убежать, исчезнуть.

Пытаюсь выпрямиться, но слезы уже застилают глаза, и я еще больше сутулюсь. И начинаю загребать разбитыми босоножками еще больше. Чтобы стать незаметней, невзрачней и не раздражать его. Своего мужа.

Привычка сутулиться у меня с детства. С лет одиннадцати. Вперед подружек ростом вымахала. Верста коломенская. Они, мои подружки, хорошенькие, справненькие, как говорила моя мама, а я доска два соска. Длинная, неуклюжая, ноги как палочки. Буратино настоящий.

С того времени у меня фотка сохранилась. Стою такая вся в пионерском галстуке, в рубашке и в шортах. На голове бантик, а ноги как две спички. Пацан с бантиком. Это фото из пионерского лагеря. Тогда на танцах, как только танго (почему танго?) объявляли, всех моих Ленок и Галек тут же разбирали, а я оставалась одна в углу таких же буратинистых девчонок. Завидовала я им страшно. Тем, кто в паре танцует. Особенно Ленке. Она миниатюрная, кудрявая, с уже хорошо заметной грудью. И всегда с таким томным взглядом. Представляете, в 13 лет? Откуда только что взялось? Прямо Мальвина мальвинистая. Это я ее так про себя иногда обзывала.

А она, вернувшись после танца, могла мне вот так запросто сказать: «Вовка мне в любви признался. На свидание зовет. Фи, дурак. Не пойду я никуда. Не нравится мне он».

А по этому Вовке все девочки лагеря, между прочим, с ума сходили.

Если честно, то и я тоже. Хоть и была я пацанкой, и в футбол играла, а нравится очень уже хотелось. Особенно этому Вовке, который меня в упор не замечал, а с Ленкой прямо пластилиновым становился, хотя до вечерних танцев наводил ужас на всех, кто был младше и посмел его послушаться.

Так вот, я под этих подружек подстраивалась. То есть старалась казаться меньше, потому сутулилась, наклоняя голову вниз. То есть, чтобы рядом идти, равной им быть. Даже бюстгальтер стала носить, как они. Чтобы выделить то, что еще не выросло.

Про бюстгальтер как-нибудь отдельно расскажу. Это тема очень достойная. И где мы их доставали, и как перешивали, и как пытались пуговицы на спине скрыть, чтобы они не выделялись как пулеметная очередь.

Только один анекдот расскажу на эту тему, как наших комсомолок-красавиц за границу послали. Боялись, что они там загуляют, по мужикам разбегутся. Других девчонок каждый вечер уводили, а наши, как одна, оставались в гостинице.

Комсомольское начальство, вернувшись, отрапортовало, что своей чистотой и высокой нравственностью наши девушки всех покорили. Про них написали все местные газеты.

Когда же на праздничном застолье стали наших красавиц расспрашивать, почему они по номерам сидели, неужели никто на них не позарился?

– Еще как зарились, даже по балконам пытались к ним залезть.

А как с ними пойдешь? А тем более разденешься? Если местный мужчина наше нижнее белье увидит, так сам тут же и сбежит. Потому и не ходили, чтобы страну не опозорить.

А хотелось очень. Больно уж мужчины местные галантные.

Смех и грех. Так оно и было.

Возвращаюсь на танцевальную площадку. К моей мальвинистой Ленке и другим подружкам, которые каждый вечер получали записки от воздыхателей. У нас в палате так почему-то назывались комнаты в пионерском лагере, все стены были в дырках. То есть сучки выковырены, чтобы в эти отверстия записки просовывать.

Мои подружки даже хвастались, кто за вечер больше таких знаков любви получил.

Мне тоже очень хотелось, чтобы и мне кто-то написал. Вот и старалась быть похожей на Ленку. Даже на ночь начала кудри накручивать. Точнее челку, чтобы как у Ленки была. Волнистая такая. Училась так же, как она, глаза закатывать и говорить: «Фи, дурак». И губки бантиком, и небрежный поворот головы.

Видимо, привычка сутулиться и какие-то мои детские обиды во мне глубоко засели.

Как только я кому-то не очень нравилась, я старалась спрятаться и стать незаметней.

Хотя, учась в институте, побеждая на разных спортивных соревнованиях, я чувствовала себя вполне уверенно. А иногда даже и очень уверенно. Могла просто светиться вся, как говорили мои подурневшие подружки. Они-то уже прошли Крым и Рим, как опять же говорила моя мама. А я была чиста, невинна, непорочна и бодро шла к намеченной цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.